

Зинаида Михайловна плакала во сне, от собственных слёз и проснулась. Несмотря на пятый час утра, сквозь плотные шторы пробивалось жаркое июльское солнце, что неудивительно: в Якутске летние ночи белые, светлые.

Женщина закрыла глаза, надеясь вздремнуть, но не давал покоя недавний сон: привиделась ей лошадка, что исправно трудилась при детской инфекционной больнице. Зинаида устроилась в лабораторию больницы в конце шестидесятых годов, сразу после окончания медицинского училища, и ещё не успела привыкнуть ни к лошадёнке, ни к пожилому доброму конюху, когда лечебнице выделили дополнительную машину, а лошадку приказали списать и отправить на мясокомбинат. Конюх пошёл по инстанциям, просил, чтобы разрешили выкупить животное,— хотел отвести в родное село неподалёку, но наверху просьбе не вняли.

Проводить в последний путь выведенную из больничного двора любимицу вышел весь медперсонал. Многие подходили к лошади, гладили её, спокойную, не ведающую, в честь чего устроены такие проводы. Женщины плакали, а ребяташки, пациенты больницы, с мамочками, до которых дошла печальная весть, грустно смотрели на происходящее из окон.

Зинаида, выросшая в деревне, знающая, какая подмога лошадь в крестьянском хозяйстве, в тот день так сильно расстроилась, что на прибывшую вскоре машину и её водителя, лихого симпатичного парня, смотрела как на врагов народа, хотя их вины в случившемся не было.

«Надо же, столько времени прошло — и вдруг вспомнилось! — удивлялась Зинаида Михайловна. — И не просто вспомнилось, а со слезами. Сколько их, таких лошадок, в ту пору по всей стране было пущено под нож! А была ли в том необходимость? Ведь грех же, наверное, так поступать с бессловесной животиной?»

Сердце женщины билось учащённо: шестидесятисемилетняя Зинаида Михайловна ощущала себя той самой

лошадкой-трудягой, на смену которой пришла неодошевлённая машина. Не сегодня-завтра и саму Зинаиду, находящуюся пока в очередном отпуске, могла ждать отставка. Причина не в её возрасте или здоровье (за последние восемь лет Зинаида Михайловна ни разу не брала больничный), а в том, что она не владеет компьютером. Женщина бы и рада его освоить, но кто бы научил, а без знания, как пишут сокращённо, ПК ей не пройти курсы повышения квалификации и, соответственно, предстоящей аттестации.

Раньше в лаборанты молодёжь особо не рвалась, тем более в детское отделение. Непросто брать кровь у маленьких детей: тут тебе и крики, и слёзы каждое утро... Поначалу Зинаида Михайловна надеялась, что адаптируется к этому, но нет, не привыкла. Жалко ей деток, а что делать? Без анализов как лечить? Врачу же необходимо точно знать, есть ли улучшение или нет. Сейчас, когда условия по сравнению с прошлыми изменились (не надо стерилизовать те же иглы, пробирки, на помощь пришла аппаратура), место лаборанта стало востребованным.

Конечно, её, отличника здравоохранения, просто так не уволят, но ведь надо соответствовать требованиям, и тут ни стаж, ни звание не помогут. Когда Зинаида писала заявление, инспектор по кадрам поинтересовалась: «После отпуска вернётесь?» — «Обязательно», — без раздумий ответила она. Ответить-то ответила, только вот как обещанное выполнить, теперь не знала. Ещё весной записалась она на бесплатные компьютерные курсы для пенсионеров, но начало их до сих пор откладывается.

Старый сотовый телефон Зинаиде тоже давно пора бы заменить. Иногда, особенно при молодых коллегах, ей даже стыдно его доставать. Нет, у неё есть новая модель, сенсорный, навороченный, сын с невесткой подарили ещё на прошлый Новый год, только как пользоваться им — не показали. Несколько раз Зинаида просила сына помочь, тот обещал зайти, но забывал, так что лежит подарок в шкафу, ждёт своего часа. А ведь иные её сверстницы, а то и постарше, она сама видела, лихо на сотовый и фотографируют, и видео снимают, и сообщения отправляют, а Зинаида вроде и не глупее их, а ничего этого не умеет.

Женщина с досадой смотрела на компьютер внука Алексея, который учится в Санкт-Петербурге, жалела, что своё время, пока он жил с ней (отсюда ему было ближе в школу), избегала техники как огня. Уже третий год, вытирая пыль с экрана и процессора, корит она себя за непредусмотрительность. Можно было давно нанять репетитора по объявлению в газете, но приглашать чужого человека в дом не решалась.

Видимо, недаром ей лошадка снилась: того и гляди вызовут в кадры, вручат трудовую книжку — и гуляй. А чем она, вполне работоспособная женщина, на пенсии будет заниматься? К тому же и деньги, как известно, лишними не бывают. Сейчас она внуку понемножку отсылает, а если не работать, то отправить будет не с чего. Тревожно было на душе у Зинаиды Михайловны, а после сна стало совсем то-скливо. Безнадёга полная, да и только.

Вечером Зинаиде Михайловне позвонила соседка Валентина:

— Можно к вам зайти, переговорить?

— Заходи, конечно.

— Только я не одна, а с внучкой, из Ленска прилетела.

— Тем более.

Валентинину внучку Лизу Зинаида не видела давно, и хотя показывала соседка её фотографии, но Зинаиде Михайловне она до сих пор казалась дошкольницей в розовом коротеньком платице, с белым пышным бантом в светлых, аккуратно заплетённых бабушкой волосах. Когда же на пороге следом за Валентиной возникла высокая стройненькая девочка-подросток, женщина всплеснула руками:

— Батюшки! Неужели это Лиза?

Расположились в зале. Лиза смущённо молчала, переводя внимательный взгляд с хозяйки на бабушку, которая жаловалась, что супруг целыми днями на работе, ей самой отпуск не дают, потому что заболела напарница, а в результате внучка третий день сидит в четырёх стенах.

— Одна надежда на вас, Зинаида Михайловна. Помогите, пожалуйста, организовать Лизоньке культурную программу, мы заплатим,— попросила Валентина.

Отказать соседке, которая к тому же была землячкой её покойного мужа Владимира, женщине было неудобно. Много раз выручала её Валентина в трудную минуту, да и девочку было жаль: прилететь в такую даль из райцентра, чтобы маяться в квартире, никуда не годится.

— Ты в какой класс перешла? — спросила Зинаида Лизу.

— В восьмой.

— Большая уже.

— Большая-то большая,— вмешалась Валентина,— а города не знает. И, честно сказать, мы сами её одну отпустить боимся, вот и сидит внучка: то на телефоне играет, то за компьютером.

Зинаида Михайловна, услышав про компьютер, ожидалась.

— Ты умеешь пользоваться компьютером? — обратилась она к девочке.

— Да. А что, у вас есть комп?

— Есть, только я в нём не разбираюсь.

— Так она вас в три счёта научит,— заверила Валентина.— Сейчас такое время наступило: раньше взрослые учили детей, а теперь дети взрослых учат.

Лиза осмотрела компьютер:

— Нет проблем. В принципе, комп у вас не древний,— оценила она технику.

— Тогда сделаем так,— предложила Зинаида Михайловна.— Лиза поможет мне обуздать коня, который именуется компьютером, а за мной обед и культпоходы, например, в музей. Мне, кстати, коллега по весне два бесплатных единых билета на посещение всех музеев города подарила, а я про них и думать забыла, если бы не вы.

— В музей я с удовольствием. У нас в Ленске тоже музей есть, краеведческий,— разговорилась Лиза.— Там очень интересная выставка ямщицкой культуры. Мы же, бабушка, потомки ямщиков государевых? Правильно? Я вам сейчас кое-что покажу.

Лиза достала из кармана джинсов смартфон, провела пальцем по экрану:

— Это, тётя Зина, памятник ямщикам на берегу Лены. Видите, какой большой? Ямщик прямо как живой. Да?

От Лизиного «тётя Зина» у женщины потеплело на душе, давно к ней так не обращались. В последнее время только по имени-отчеству, а тут «тётя», как когда-то называли её друзья сына и внука.

— У меня и запись старинной песни есть. Послушаем?

Зинаида Михайловна отмечала про себя, с каким восхищением смотрела на внучку Валентина, радуясь её знаниям, но, с другой стороны, по-видимому, ей было неудобно отнимать у соседки время.

— Не сегодня, Лиза, поздно уже,— попыталась остановить Валентина внучку, но Зинаида поддержала девочку:

— Давайте слушаем.

«Молодка, молодка, молоденькая,— слышались женские голоса, которые пели без музыкального сопровождения.— Пришла тёмная ночь, лягу спать одна без милого дружка, без милого дружка да берёт грусть-тоска».

Зинаида Михайловна вздохнула под печальные слова, представив исполнительниц морозным вечером в почтовом доме, где в передней под потолком на специальных вешалах сушатся хомуты и седёлки, от которых идёт запах специфического конского пота, а издали слышен звон знаменитого валдайского колокольчика. Долгие годы хранился такой и в семье Зинаиды.

Валентина, когда отзвучала песня, тихо спросила:

— Откуда это у тебя?

— На прошлой неделе ходили на встречу с участниками экспедиции по следам государевых ямщиков. Нам сказала, что это очень старая песня.

— Да, наши предки сильными людьми были,— высказалась Зинаида Михайловна,— в таких суровых условиях выжили и культуру свою сохранили.

— Между прочим, на следующий год двести семьдесят пять лет будет со дня основания Иркутско-Якутского тракта.

— Откуда ты, Валентина, всё знаешь? — удивилась Зинаида.— Вроде не в учреждении культуры трудишься.

— Как откуда? У нас ямщицкая община создана, фестивали проходят, часто в селе бываю, жаль, что вас вытащить никуда не могу, постоянно приглашаю, а вы всегда почему-то отказываетесь.

— Это правда, — посетовала Зинаида. — Слушай, а у тебя, кажется, есть книга о ямщиках. Можешь дать почитать?

— Хорошо, сейчас отправлю с Лизой.

Поздним вечером, нарушая традицию, Зинаида Михайловна не стала смотреть очередной телесериал, а открыла принесённую девочкой книгу. Сразу на форзаце увидела карту-схему станций Иркутско-Якутского почтового тракта от Якутска до Витима. Вот и Синск, родное село Володи. При жизни супруга они нередко бывали там вместе. Поначалу Зинаиде непривычно было общаться с его родными: свекровь, с виду славянка, совсем не говорила по-русски, зато свёкор хорошо владел и якутским языком, и русским. Синск ассоциировался у Зинаиды с лесом, грибами, спелой брусникой, вкусной домашней картошечкой — сельчане называли картофаном. Любил супруг Зинаиды Михайловны косить сено, и охотником, и рыбаком был заядлым.

Тогда они, молодые, в городском Доме культуры не пропускали ни одного нового кинофильма и концерта, инициатива обычно исходила от Владимира, а как его не стало, заперла себя Зинаида в четырёх стенах: работа — дом — работа, — а зря, наверное, зря. Не похвалил бы её за это Володя, это точно.

Она листала книгу, натываясь на знакомые имена и фамилии, лица и места, и радовалась тому, что жива память людская о Володиных земляках, предки которых из Ярославской, Костромской, Могилёвской и других губерний основали на тракте почтовые станции, превратившиеся позже в целые деревни и сёла. К сожалению, многих из них уже нет на карте, но остались они в людских сердцах, как и песни, и традиции, что принесли с собой государевы ямщики в далёкую Сибирь и Якутию.

Сквозь плотные шторы пробивалось утреннее солнце. «Молодка, молодка, молоденькая», — вспомнила, проснувшись, Зинаида Михайловна и улыбнулась новому дню.